

Фан Шуюй вчитывался в описание, и лицо его становилось всё мрачнее. Особенно когда взгляд зацепился за слова «расчленение трупа», «преображение» и «сосуд для личинки» — всё это почти дословно совпадало с догадками Чи Сяньчуаня! Он резко поднял голову:

— Сяньчуань! Это невероятно важно! Это почти подтверждает твои подозрения! Я немедленно возвращаюсь в участок, начнем приоритетную проверку лиц с корнями из Наньцзяна, тех, кто разбирается в искусстве гу, особенно с хирургическим или медицинским образованием! И этот «Золотой цикада», он точно замешан!

— погоди, — Чи Сяньчуань остановил его, указывая на блокнот. — Эти насекомые — редкость, методы их разведения почти утрачены, и людей, способных их контролировать, единицы. К тому же, в отчете сказано, что тот, кто насылает гу, может находиться далеко, в самом Наньцзяне. Даже если вы выйдете на этот регион, это будет как искать иголку в стоге сена. Но главное, — он сделал паузу, и в его глазах промелькнул холод, — управлять этими насекомыми можно дистанционно, даже не находясь в Пекине или Наньцзяне.

Лу Пинчжоу, прижимая к себе кота Сяобая, всё это время молча слушал. Теперь он подал голос:

— Посредник. Найти посредника может быть проще, чем искать самого мастера гу. Посредник — ключ. Если удастся обнаружить вещи, с которыми контактировал погибший и которые могли быть использованы тем, кто насылает гу, возможно, удастся выйти на след. Но прошло уже несколько дней, улики могли уничтожить.

Чи Сяньчуань с некоторым удивлением взглянул на Лу Пинчжоу, видимо, не ожидая, что профессор так быстро переключится и посмотрит на проблему под другим углом. Он кивнул:

— Профессор Лу прав. Но как именно это проверять — работа вашей полиции.

В этот момент к ним подбежал встревоженный Чжан Шоуцзин:

— Брат Сяньчуань! Беда! Там... там у одной женщины, пришедшей в храм, дочка упала у входа, ударилась лбом о каменные ступени, крови полно! Брат Маньтан уже смотрел, но... с ребенком что-то не так!

Чи Сяньчуань нахмурился:

— Ударилась головой? Пусть Маньтан обработает рану и отправляет в больницу. Что там может быть не так?

Чжан Шоуцзин, тяжело дыша, ответил:

— Рана небольшая, но крови много. Главное... девочка с того момента, как упала, не плакала! И боли не чувствовала! Сидит такая безучастная, глазами в одну точку смотрит, на вопросы не отвечает, будто... будто душу потеряла! Родители в панике!

Услышав это, Чи Сяньчуань вмиг лишился своей расслабленности, взгляд стал острым. Он

кивнул:

— Понял, пойду посмотрю. — С этими словами он направился к выходу.

Фан Шуюй открыл рот, собираясь что-то сказать, но в итоге просто последовал за ним вместе с Лу Пинчжоу, который всё еще держал на руках кота.

В переднем дворе молодая пара в тревоге окружила девочку лет пяти-шести в розовом платьице. У линии роста волос на лбу виднелась рана длиной в дюйм, кровь залила щеки и одежду. Чжао Маньтан суетливо пытался остановить кровотечение стерильной марлей, но кровь, казалось, не унималась.

Мать девочки рыдала, отец, бледный как полотно, без конца повторял:

— Доченька, больно? Скажи папе хоть слово! — Но девочка лишь сидела с пустым взглядом, не реагируя ни на крики родителей, ни на собственную боль. Она вела себя неестественно тихо.

Чи Сяньчуань быстро подошел, присел на корточки и сказал родителям:

— Дайте взглянуть.

Увидев даоса, который еще недавно казался им небожителем, супруги поспешно отступили. Чи Сяньчуань не стал трогать марлю. Он вытянул указательный и средний пальцы правой руки, зависнув над раной на расстоянии дюйма, и начал тихо читать заклинание:

— Внемли, внемли! В руке золотой нож, путь красной пыли закрыт... Кровь внутрь не уходит, наружу не течет... Лао-цзюнь сидит у входа в пещеру... Исполнить немедленно!

Его голос был чистым и бархатистым, в нем чувствовалась странная успокаивающая сила. По мере чтения заклинания пальцы, зависшие в воздухе, словно начали излучать едва заметный свет. Произошло чудо: рана, которая всё еще медленно кровоточила, на глазах перестала источать кровь!

Родители застыли в изумлении и принялись благодарить:

— Спасибо, даос! Спасибо вам!

Чи Сяньчуань не обратил внимания на благодарности. Он убрал руку, внимательно всмотрелся в пустые глаза девочки и ее безжизненное лицо. Нахмурившись, он приложил пальцы к ее пульсу, затем приподнял веко.

— Девочка не стала глупой от падения, — произнес он, поднявшись. Голос его звучал серьезно. — Она потеряла одну из трех душ и семи начал. В последнее время... вы не водили ее на кладбища или другие места с избытком темной энергии?

Супруги вмиг изменились в лице! Жена прикрыла рот рукой, в ее глазах читались ужас и неверие. Муж с трудом кивнул, его голос пересох:

— Да... в прошлое воскресенье возили ее на могилу прабабушки... После этого она стала вялой, мы думали, просто устала... Даос, что... что теперь делать?

— Потерянную душу нужно как можно скорее вернуть, иначе со временем остальные части души тоже рассеются, и тогда помочь будет невозможно, — твердо сказал Чи Сяньчуань. — Нужно провести обряд успокоения души. Лучше всего — у вас дома.

— Домой! Едем немедленно! — воскликнула женщина, муж согласно закивал. — Даос, умоляем, спасите ребенка! Мы сейчас же едем!

— Хорошо, — Чи Сяньчуань кивнул и посмотрел на Фан Шуюя. — Офицер Фан, вы сами видите, ситуация критическая. В одной машине нам всем не поместиться. Не могли бы вы подвезти меня и Маньтана? Вам ведь как раз в город.

Фан Шуюй, глядя на застывшую девочку и отчаявшихся родителей, без колебаний ответил:

— Конечно! Без проблем!

Чжао Маньтан бросился готовить благовония, талисманы и инструменты для обряда. Родители осторожно подхватили дочь и поспешили к машине.

Чи Сяньчуань дал пару указаний Лю Хэшаню и Чжан Шоуцзину, после чего ушел переодеваться. Через несколько минут он вышел: торжественное облачение было сменено на привычный серый свободный халат из хлопка и льна, но на голове по-прежнему красовалась повязка, открывающая чистый лоб и красивое лицо. Без парадных одежд он казался менее «небожителем», но более свободным и отрешенным.

Лу Пинчжоу осторожно опустил Сяобая на пол. Кот, казалось, не хотел расставаться, потерял о его штанину, но не стал настаивать и послушно убежал.

Трое мужчин сели в машину Фан Шуюя. Чжао Маньтан с увесистой сумкой для инструментов занял место в машине родителей.

Машина спустилась с горы. В салоне Фан Шуюй, не отрываясь от дороги, не удержался и вернулся к обсуждению дела:

— Сяньчуань, эта личинка преобразования так опасна, тот, кто ее наслал, точно преступник! Или как минимум из их банды! Как думаешь, что за посредник... что это может быть?

Чи Сяньчуань, откинувшись на пассажирском сиденье, прикрыл глаза и лениво ответил:

— Скорее всего, личная вещь. Украшения, одежда или... какой-то реквизит для стримов? Она ведь была стримером.

Лу Пинчжоу, сидевший сзади, добавил:

— Если анализировать с точки зрения криминальной психологии и ритуальности, преступник выбрал Ли Гоэр не случайно — это связано с ее статусом стримера мистики и характеристикой «чисто иньской судьбы». Посредник, вероятно, связан с предметами, которые она использовала во время своих «исследований»: амулеты, специальный инвентарь или даже подарки от фанатов с особым смыслом. Эти вещи могли быть «обработаны» преступником и стать носителями для гу.

Фан Шуюй кивнул:

— Логично! Вернемся — первым делом проверим ее оборудование и украшения! И еще записи донатов от этого «Золотого цикады», может, там есть зацепки!

Чи Сяньчуань дополнил:

— Личинке нужно время, чтобы созреть, она проходит девять стадий линьки. Та, что в желудке у Ли Гоэр, была на ранней стадии — значит, времени прошло немного, возможно, всего несколько дней до преступления. Проверьте ее контакты и вещи за последнюю неделю.

Лу Пинчжоу слушал анализ Чи Сяньчуаня — четкий, логичный, совсем не похожий на бред шарлатана. Напротив, это напоминало рассуждения опытного... детектива? Или эксперта в узкой области? Он посмотрел в зеркало заднего вида на профиль Чи Сяньчуаня, и взгляд за стеклами очков стал еще глубже и сложнее.

Вскоре они подъехали к элитному жилому комплексу. Чжао Маньтан и родители уже ждали их у подъезда. Поднявшись в квартиру, Чи Сяньчуань бегло осмотрел изысканный интерьер, на мгновение задержав взгляд на антикварной вазе в углу гостиной, но ничего не сказал. Он жестом велел Чжао Маньтану готовить алтарь.

Обряд начался. Чи Сяньчуань зажег три палочки благовоний, воткнул их в курильницу и трижды поклонился пустоте. Затем, взяв колокольчик для призыва душ, начал ритмично позванивать. Чистый звук разносился по тихой гостиной, обладая странной проникающей силой. Он начал ритуальный танец, обходя мать и дочь, и запел заклинание призыва:

— Блуждающая душа, где ты застряла? Три души, спуститесь, семь начал, явитесь! У рек и в полях, в храмах и селениях, в темницах и гробницах... Призываю духов гор, божеств дорог и хранителей очага! Исполните мой приказ, найдите ее, верните душу в тело! Врата неба открыты, врата земли открыты, верните душу! По приказу Лао-цзюня, исполнить немедленно!

Его голос то затихал, то становился звонким, наполненным странным ритмом. Он взмахивал мечом из персикового дерева, словно прокладывая путь незримому духу. Чжао Маньтан подыгрывал ему своим колокольчиком.

Комната наполнилась торжественной и таинственной атмосферой. Родители, обнимая застывшую дочь, затаили дыхание. Фан Шуюй и Лу Пинчжоу наблюдали в полном молчании.

Через полчаса обряд подходил к концу. Чи Сяньчуань взял талисман «успокоения души» и приложил его к лбу девочки, избегая раны. Он напоследок властно произнес:

— Три души на место, семь начал в покой! Приказываю!

В ту же секунду девочка, до этого неподвижная, вздрогнула. И следом раздался громкий плач:

— Мама! Папа! Больно! Мне больно!

Этот плач в тишине комнаты звучал как гром, но для родителей он стал самой желанной музыкой. Мать прижала дочь к себе, заливаясь слезами:

— Детка! Ты наконец-то заплакала! Ты меня так напугала!

Фан Шуюй и Лу Пинчжоу переглянулись. В глазах обоих читалось потрясение. Пинчжоу нахмурился, глядя на плачущего ребенка и талисман на ее лбу — научная логика перед лицом этого необъяснимого явления казалась бессильной.

Обряд завершился. Чи Сяньчуань подошел к родителям, посмотрел на женщину и спокойно произнес:

— Усопших не вернуть, а долги чувств тяжелы. Чрезмерная привязанность к призракам прошлого порождает внутренних демонов. Это притягивает зло, и беда может обрушиться на близких. Отпустите прошлое, отпустите других — так вы спасете себя. Иначе навредите и себе, и другим, и будет поздно каяться.

Женщина застыла, лицо ее побелело, в глазах отразились шок и страх перед тем, что ее тайну раскрыли. Муж тоже помрачнел, в его взгляде промелькнуло раздражение, но он быстро взял себя в руки, натянуто улыбнулся:

— Спасибо за совет, даос! Мы... мы будем осторожны! — Он поспешно вытащил из кошелька пачку денег и сунул Чжао Маньтану. — Благодарим за помощь! — Его тон недвусмысленно давал понять, что пора уходить.

Чи Сяньчуань ничего больше не сказал, дождался, пока Маньтан заберет деньги, и кивнул остальным, что пора на выход.

Спустившись вниз, они сели в машину. Когда они отъехали от дома, в салоне воцарилось молчание. Лу Пинчжоу, глядя в окно, вдруг нарушил тишину. Его голос был спокоен, но в нем слышалось любопытство:

— Глава Чи, вы так прямо сказали той женщине про «призраков прошлого» и «долги чувств», даже намекнули на ее измену. Даосизм учит не вмешиваться в чужую карму. Вы не боитесь, что, разрушив иллюзию благополучия этой семьи, вы приведете их к полному краху?

Чи Сяньчуань, сидевший на переднем сиденье, уже снял повязку, и его длинные черные

волосы рассыпались по плечам. Он даже не обернулся, лишь лениво улыбнулся:

— Профессор Лу, вы сами сказали — это «иллюзия». Любовник той женщины умер, и судя по всему, чувства были глубокими — иначе зачем держать дома его антикварную вазу? Демоны в ее душе проросли глубоко, она сама стала магнитом для темных сил. Дух ее любовника, скорее всего, околачивался рядом, когда они ходили на кладбище. В этот раз пострадала дочь. А что будет в следующий? Если она продолжит в том же духе, притянет что-то похуже потери души. Причину создала она, плоды пожинать ей. Я дал ей шанс остановиться. А что до того, распадется ли семья или станет крепче... — он потянулся, глядя на вечерний город, и произнес с философским оттенком: — *Es ist nichts schrecklicher als eine tätige Unwissenheit.*

Затем он добавил по-китайски:

— Нет ничего страшнее деятельного невежества. Вместо того чтобы разрушаться в самообмане, лучше взглянуть правде в глаза и сделать выбор. Счастье или беда — всё зависит от самого человека.

Лу Пинчжоу замер. Он не ожидал, что Чи Сяньчуань процитирует Гёте в оригинале. Эта фраза точно попала в цель — «деятельное невежество» той женщины в делах сердечных было страшнее любых внешних злых духов. Он смотрел на его рассыпанные по плечам волосы и профиль, отражающий огни города. Этот юноша, то ли небожитель, то ли гуляка, знаток метафизики, цитирующий западных философов, казался еще более загадочным.

Фан Шуюй, слушая их разговор, усмехнулся. Посмотрев в зеркало заднего вида на молчаливого Лу Пинчжоу, он сказал:

— Ну как, Пинчжоу? Я же говорил, что он необычный тип?

Лу Пинчжоу помолчал несколько секунд, прежде чем ответить низким голосом:

— Действительно... необычный. — В этих простых словах скрывалось больше, чем в тысяче других. Он признал, что Чи Сяньчуань не вписывается в рамки «шарлатана», становясь кем-то, кого он пока не мог понять, но с кем был вынужден считаться.

Машина вернулась к подножию горы Фэнлин. Чи Сяньчуань и Чжао Маньтан вышли. Чи Сяньчуань придержал дверцу, глядя на Фан Шуюя с хитрым блеском в глазах и знакомой расчетливой улыбкой:

— Офицер Фан, спасибо за помощь. Может, рассчитаемся за консультацию и транспорт? Я много не прошу, по тарифу...

— Отставить! — рассмеялся Фан Шуюй, указывая на Лу Пинчжоу. — Пинчжоу ведь видел твою «профессиональную работу» от и до, включая случай у торгового центра. Считай, что бензин и наше время покрывают те пятьсот юаней за обряд! Мы в расчете! Бывай! — Не дожидаясь ответа, он ударил по газам, и машина исчезла в сумерках.

— ... — Чи Сяньчуань смотрел на удаляющиеся огни фар, дернул щекой и спустя время

выдавил: — Черт... меня бесплатно использовали...

Чжао Маньтан прижал сумку к груди, скорбно воскликнув:

— Мой брат Сяньчуань! Пятьсот юаней! Как так-то! Мы в полете!

Чи Сяньчуань раздраженно бросил на него взгляд:

— Хватит ныть, пошли, я голоден. — Он развернулся, тряхнув длинными волосами, и направился к своему храму. Его фигура в сумерках по-прежнему казалась статной, но в походке сквозила смиренная лень.

В машине на обратном пути царил более легкая атмосфера. Лу Пинчжоу, глядя в окно на ночное небо, окрашенное неоном города, погрузился в мысли. Цитата Чи Сяньчуаня, детский плач, черный кот... всё это проносилось перед глазами.

— Пинчжоу? — голос Фан Шуюя вывел его из задумчивости.

— М-м?

— Все еще думаешь об этом? — Фан Шуюй улыбнулся. — Потрясение сильное, да?

Лу Пинчжоу помолчал, медленно снял очки и потер переносицу. Там, в тусклом свете, пролегла тонкая морщинка. Он снова надел очки, посмотрел вперед и произнес низким, решительным голосом:

— Шуюй.

— Да?

— Насчет поиска подозреваемого по делу Ли Гоэр. Помимо медицинского образования и связей с Наньцзяном, я предлагаю добавить еще одну черту: интерес к традиционной культуре с ее искаженной трактовкой. Преступник ищет не просто убийства, а некое... извращенное «преображение». Характеристики «личинки преобразования», о которых говорил Чи Сяньчуань, идеально подходят под этот профиль.

Фан Шуюй оживился:

— Логично! Пинчжоу, ты отлично мыслишь! Поездка к храму не прошла даром!

Лу Пинчжоу промолчал, вновь устремив взгляд в окно. Огни города отражались в его глубоких глазах. Эхо фразы «действительно... необычный» всё еще тихо звучало в салоне.

На заднем дворе храма Юэцзянь Чи Сяньчуань, переодевшись в домашнее, сидел на каменной скамье и при тусклом свете ламп листал старый блокнот с записями о «личинке преобразования». Его пальцы бессознательно постукивали по пожелтевшим страницам, взгляд был задумчив.

Горный ветер принес прохладу. Ночь на горе Фэнлин казалась тише, чем обычно.

<http://bllate.org/book/18779/1822048>